

УДК 801.73

**ОБРАЗ ОТЦА И ТЕМА ОТЦОВСТВА В ПРОЗЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА:
РОМАН «САНЬКЯ» И СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ «ВОСЬМЕРКА»**

К. В. Штейнбах

Кубанский государственный университет
кафедра зарубежной литературы и сравнительного культуроведения

В данной статье выделено несколько особенностей прозы современного русского писателя Захара Прилепина, общих для его двух книг и значимых для творчества автора.

Ключевые слова: *Захар Прилепин, «Восьмерка», «Санькя», главный герой, конфликт произведения*

Одной из центральных тем творчества Захара Прилепина является тема мужественности и мужского начала. В рассматриваемых нами текстах – романе «Санькя» и сборнике повестей «Восьмерка» – она получает дополнительный аспект – отцовство.

Значимость данной фигуры более ясно выражена в сборнике повестей «Восьмерка», но и в «Саньке» ее неявное присутствие важно. Сашин отец, исключенный из текста преждевременным уходом из жизни, своим исчезновением предопределяет вступление главного героя в экстремистскую партию как попытку самоидентификации, отмечает Андрей Рудалев [5]. Лидер данной партии, Костенко (Лимонов), несмотря на его значимость для политического конфликта произведения, как и Сашин отец, в тексте отсутствует. Читатель сталкивается лишь с записями его голоса, наметками его личности, но не как с живым и действующим персонажем. Партия, подобно главному герою, остается без «отца». В сборнике «Восьмерка» писатель уделяет теме взаимоотношений отца и сына намного больше внимания. Данная проблема присутствует в значительной части повестей, то находясь в самом центре повествования («Витек», «Любовь»), то отступая на второй план («Восьмерка», «Допрос»). Автор показывает, что расстояние между отцом и сыном не устраняется даже в том случае, если оба героя, в отличие от ситуации в «Саньке», живы и в добром здравии. Здесь также появляется мотив отсутствия отца: так, любовный интерес главного героя заглавной повести – девушка по имени Аглая – рано лишается его (тот уходит от семьи).

Жизненный путь отца Саши Тишина начинается в родной деревне с его рождением и там же заканчивается с похоронами. С физической смертью существование данного героя не заканчивается. Так, когда главный герой, его мать и Безлетов устраивают небольшое застолье на гробе, Саша чокается открытой бутылкой с гробом – фактически с отцом. Еще один пример: когда друг детства Сашиного отца по прозвищу Хомут приезжает за ними, то говорит, обращаясь к гробу: «... Ну что, Вася, не замерзла спина? – Хомут присел рядом с гробом и похлопал по крышке. – Сейчас домой поедем...» [4, с. 105]. Эти эпизоды не являются глумлением – это признание за усопшим права на место среди друзей и родственников, которое не дает потерять себя (особенно в обстановке безвременья, которая пронизывает «Саньку»), сохраняет чувство преемственности, рода.

В начальной и конечной повестях «Восьмерки» появляются две фигуры – отец и сын, что напрямую связано с рассматриваемой нами темой. Первая повесть, «Витек», представляет процесс возмужания, но в определенном аспекте – как маленькую модель взрослой жизни, чаще всего жестокой, страшной и подчас кровавой, наблюдаемой мальчиком на примере его отца, отмечает Кирилл Гликман [2]. В заключительной повести «Лес» пара *отец – сын* появляется дважды: вначале мы видим главного героя и его отца, а затем, в самом конце, уже главного героя и его сына. Данная повесть является как бы всем сборником «Восьмерка» в миниатюре, так как представляет процесс возмужания в целом. Хоть и преподнесенный в сжатой форме; он выглядит как бесконечный и повторяющийся. Сборник в определенном отношении шире, чем «Санька»: в романе мы видим лишь один тип героя, во многом близкий квартету друзей из заглавной повести. Он застыл в роли революционера на протяжении всего романа; все происходящее в романе – лишь вариации, одно и то же действующее лицо в разных обстоятельствах. Его нерешительность перед поездкой в Ригу – лишь порог, очередная ступень в развитии главного героя, а не качественная перемена. Герои же повестей стремятся куда-то в сторону от своего основного жизненного потока, претерпевают события, меняющие их самих и их жизнь, чтобы прийти к итогу своего поиска – отцовству и приходящей с ним ответственности. Все они разные, в отличие от уже ставшего для Прилепина типичным «пацанского» героя. Через своих отцов герои прежде всего пытаются найти самих себя, увидеть со стороны и понять, каковы они на самом деле; находясь в поиске отца, они находят самих себя.

Через память о своем родителе находит себя и Саша Тишин. Ведь помимо семейного значения смерть Сашиного отца имеет и другой смысл: в определенном отношении она является метафорой распада – «смерти» СССР и последовавшей за этим бедствием беспорядочной, странной и непонятной жизни. Метафорой этого события выступает четвертая глава «Саньки», где трое – сам Саша, его мать и Безлетов – везут гроб с телом Тишина-старшего в его родную деревню. Как и Советский Союз для своих бывших граждан, отец Саши имеет для главного героя особое значение, пусть не всегда выраженное внешне. Так, уже в момент организации похорон мы видим Сашину мать, находящуюся в растерянности: «До сих пор рядом с нею находился другой человек, чей голос был решающим. И вот он умер, этот человек» [4, с. 61]. Как и в случае со смертью СССР, исчезновение опорного столба, главы семьи Тишиных приводит к тому, что у оставшихся членов семьи пропадает некий единый и четкий курс. Как утверждает Андрей Рудалев [5], именно в момент подобного кризиса, когда один за другим уходят из жизни его родственники (сначала отец, затем дед), Саша Тишин и начинает искать свою Родину, тем самым через нее пытаясь восстановить родовые связи.

Показательно и то, что Саша тащит гроб своего отца вместе со своим основным идейным противником – Безлетовым. В момент утраты они оба осознавали ее тяжесть, и это демонстрирует их переход на «ты» во время похорон при серьезной разнице в возрасте и общественном положении; это событие стало для них в определенном смысле обрядом братания, тем более что один из них был родным сыном Василия Тишина, а другой, по всей видимости, духовным, его учеником. Но прошли годы, и Безлетов предпочел забыть об испытанном. Саша же, по всей видимости, никогда не забывал: мысли и воспоминания, связанные с отцом, возникают у него во время развития сюжета множество раз. Примечательно, что попытки как восстановить семейные связи, так и вернуть

былой уклад жизни обречены на провал: из родственников живы лишь мать и бабушка, СССР распался. Но здесь важен не столько результат, сколько сам процесс поиска; главный герой находит цель своей жизни, а партия «Союз созидателей», несмотря на свое название, всем своим существом рассчитана лишь на бунт и сопротивление, но не на реальную смену правящего строя как логический итог своей деятельности, что отмечается Сергеем Беляковым [1] и отрицается Андреем Рудалевым [5]. От себя можем лишь добавить, что само существо данной партии, вечно изменчивое и провокативное, отвергает мысль о том, что «Союз созидателей» может прийти к власти, встав на место своих противников.

В сборнике «Восьмерка», несмотря на вариативность героев и окружения, вполне ясно просматривается следующая тенденция: устойчивая схема взаимодействия двух типажей героев – героя-отца и героя-сына. Повествование практически все время ведется от лица сына, который и выступает в роли наблюдателя, и лишь в самой последней повести, «Лес», пусть и ненадолго, но дается восприятие героя-отца. Герой-сын чаще всего находится на огромной дистанции отстающего от отца, дистанции уверенности в себе, житейского опыта, отношения к жизни; он не понимает мотивов, поступков родителя – тот остается для него закрытой книгой практически во всем: «... Мне долго казалось, что с отцом их разлучает явное превосходство сына – который мужик, боец и злыдень. Но ... это отец был злыдень и мужик, а сына он ... воспринимал как недоделка и малоумка» [3, с. 119]. Чаще всего в сборнике «Восьмерка» мы не видим самого факта общения этих двух героев – они живут в разных мирах, а когда общение все же происходит, оно ярче всего проявляет разницу между двумя, казалось бы, близкими людьми. Так, в повести «Восьмерка» один из товарищей главного героя Лыков вынужден обратиться за помощью к своему родителю, чему тот совсем не рад (что передается и через отношение к самому Лыкову-младшему: «... Езжай сам, ублюдок, – сказал Лыкову отец...» [3, с. 118]). Это один из немногих случаев соприкосновения отца и сына, когда мы слышим их общение (впрочем, это даже не общение, скорее, приказ). Герой-отец, как правило, почти не вмешивается в процесс воспитания и взросления своего сына целенаправленно. Но для героев сборника отец зачастую выступает если и не идеалом для подражания, то путеводной звездой, мерилем сделанного; он «опора, главный источник счастья, которое ... дает сыну одним своим существованием» [2]. Герои же, по той или иной причине лишены отцов, не имеют четкой жизненной линии: Грех с легкостью принимает новые правила жизни, Аглая мечется от одного любовника к другому. Впрочем, и здесь есть исключение: главный герой повести «Допрос», несмотря на целую семью, так и не приобретает твердости характера, из чего и разворачивается сюжет повести. Он не может четко следовать занятой позиции; столкнувшись с трудностями, герой тут же отступает.

Говоря об образе отца в романе «Санька», мы рассматривали данного героя не только как личность, но и как символ, имеющий важное для Саши Тишина значение в построении собственного мировоззрения и приобретающий подчас социально-политическое значение. В «Восьмерке» Захар Прилепин изображает тип отца героя произведения преимущественно как персонаж, имеющий неоспоримо важное значение, но не стремящийся преодолеть существующую дистанцию между собой и главным героем. Несмотря на это, главные герои повестей в значительной мере находятся под их влиянием.

Именно в аспекте отцовства выявляются особенности и различия сюжетов «Саньки» и «Восьмерки». Подобно тому, как определена судьба Сашиного отца, определена и прямолинейность, в чем-то предсказуемость сюжета романа. Главная же особенность «Восьмерки» – вариативность, она задается уже самой фрагментарной формой сборника. Впрочем, варьируются лишь главные герои и их пути; результат все равно примерно один и тот же – одиночество в огромном мире и возникающее в конце сборника неясное чувство отцовства. Повесть «Лес» словно подводит черту под поисками всех героев сборника, закрепляя их на своем месте.

Список литературы

1. Беляков С. Заговор обреченных, или Захар Прилепин как зеркало несостоявшейся русской революции [Электронный ресурс] // Новый мир. 2006. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/10/be15.html (Дата обращения: 24.03.2014).
2. Гликман К. Восемь с половиной [Электронный ресурс] // Новый мир. 2012. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/12/g20.html (Дата обращения: 24.03.2014).
3. Прилепин З. Восьмерка. М.: АСТ: Астрель. 2012. 352 с.
4. Прилепин З. Санька. М.: АСТ: Астрель. 2012. 348 с.
5. Рудалев А. Поедая собственную душу [Электронный ресурс] // Континент. 2009. № 139. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/pr30.html> (Дата обращения: 23.03.2014).
6. Татаринов А. Необходимость отца [Электронный ресурс] // День литературы. 2012. № 5 (187). URL: http://denlit.at.ua/publ/2012/maj_2012_god/aleksej_tatarinov_neobkhodimost_otca/5-1-0-81 (Дата обращения: 24.03.2014).

IMAGE OF FATHER AND THEME OF FATHERSHIP IN WORKS OF ZAKHAR PRILEPIN: "SANKYA" AND "VOSMYORKA"

K. V. Shteynbakh

Kuban State University

The department of world literature and comparative cultural studies

This article is dedicated to a few features of works of modern Russian writer Zakhar Prilepin. These features were founded in his 2 most significant and important texts: "Sankya" and "Vosmyorka".

Key words: Zakhar Prilepin, "Vosmyorka", "Sankya", main character, main conflict

Об авторе:

ШТЕЙНБАХ Кирилл Викторович – аспирант кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения Кубанского государственного университета (350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149), e-mail: stel1n1.kun@gmail.com.